

Кузькин Алексей Петрович

д-р экон. наук, профессор

Лаврентьев Максим Владимирович

канд. юрид. наук, доцент

ЧУОО ВО «Саратовский медицинский университет РЕАВИЗ»

г. Саратов, Саратовская область

**ИСПРАВИТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ
ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЬНОЙ
«КЛЕРМОНТ» ВО ФРАНЦИИ В НАЧАЛЕ XX В.**

Аннотация: статья посвящена истории одного из исправительно-воспитательных заведений для несовершеннолетних правонарушителей во Франции начала XX в. – исправительной колонии «Клермонт». Авторами рассказывается об устройстве колонии, методах исправления несовершеннолетних правонарушителей, содержании их.

Ключевые слова: Франция, XX век, Клермонт, несовершеннолетние правонарушители, несовершеннолетние правонарушительницы, воспитательно-исправительные заведения, пенитенциарная педагогика, исправительная колония.

Рост преступности среди несовершеннолетних во Франции в первой половине XIX в. заставил задуматься властям об организации специализированных учреждений для содержания несовершеннолетних преступников. Французские тюрьмы для этого явно не подходили из-за суровости содержания арестантов, поэтому правительство обратилось к широкой общественности с предложением организовать частные исправительно-воспитательные заведения для содержания малолетних нарушителей закона. В 20 – 30-х годах XIX в. во Франции начался процесс организации и открытия различных вида исправительно-воспитательных заведений. Одно из таких исправительно-воспитательных заведений – «Клермонт» – было основано во второй половине XIX века сперва как отделение для несовершеннолетних правонарушителей при тюремном замке, а затем как

специализированное заведение для малолетних арестанток – особо неисправимых нарушительниц режима.

Закон от 5 августа 1850 г., принятый сразу после революционных событий 1848 г. во Франции, сконцентрировал усилия «частных лиц и благотворительных обществ» для помощи «нравственно погибающим малолетним». Частные лица и общества нашли «себе освящение и поддержку» в законе, «цель которого была в 1) обеспечить молодым заключенным нравственное, религиозное и профессиональное воспитание в специальных заведениях, в 2) занимать их работами земледельческими, как наиболее способствующими их нравственному возрождению и основным интересам страны; в 3) обеспечить посредством попечительства продолжительные и верные результаты исправительного воспитания» [1, с. 85 – 86].

«Клермонт» была воспитательно-исправительной школой для юных правонарушительниц. Она помещалась на окраине небольшого французского городка Клермонт и занимала старинный замок, который сначала был женским монастырем, а затем перешел в распоряжение правительства, после того как церковь во Франции была отделена от государства.

Первоначально в замке была женская тюрьма, которая была преобразована в воспитательно-исправительную школу «для девиц».

В 1908 г. директором исправительно-воспитательного заведения «Клермонт» был господин Оливер, в возрасте 59 лет. Средний возраст воспитанниц 16 – 18 лет и большая часть из них отправлена в «Клермонт» за проституцию.

Содержание воспитанниц носило строгий характер. «...ни игр, ни пения не было и не бывает; все воспитанницы попарно, или группами, ходят по этому обнесенному высокой стеной двору. Одеты в синее полосатое платье, на ногах сабо. Пение не только не преподается, но даже и не разрешается. Когда я, (российский исследователь Н.А. Окунев – А.К., М.Л.) узнав об этом, очень удивился, то мистер Оливер сказал мне, что у них позволить пение нельзя, так как тогда сейчас начнут петь скабрзные песенки» [2, с. 50].

Спальни воспитанниц были устроены по системе разобщения ночью, в специальных боксах. В каждом боксе помещалась кровать с двумя матрацами, летнее и теплое одеяло; круглый валик вместо подушки, «маленький столик, таз, горшок».

Многие из боксов были украшены вырезанной кружевной, или цветной, бумагой. «Директор мне заметил, что подобного рода украшения он считает хорошим признаком, это значит, что воспитанница привыкла и полюбила свой уголок. Есть, однако, боксы ничем не убранные, это конечно, зависит от индивидуального характера обитательницы. В одном боксе директор указал мне на вырезанные цифры 1912, это год обязательного выпуска и заметил, что это нежелательное явление, так как очевидно, что эта воспитанница только и думает о времени выхода. В пяти боксах мы видели на кроватях аккуратно положенные куклы (воспитанницы все старше 15 лет), на одной кровати положены под маленьким одеяльцем даже две куклы. Когда же мы с директором были во дворе у воспитанниц, то он указал мне на одну, ходившую в отдалении девицу лет 19, у которой в руках была кукла» [2, с. 50].

В «Клермонте» было отделение для трудоисправимых, по уверениям директора, пустующее. «Карцер помещаются в подвальном этаже одного из корпусов: просторные, с каменным полом (плитками), окно с решетками, расположены выше человеческого роста. Мы посетили три таких карцера с наказанными воспитанницами. Срок наказания по распоряжению директора до 15 дней, при чем два дня дается только хлеб и вода, а на третий день горячая пища. Ни нар, ни кровати нет. Я спросил на чем же воспитанницы спят; бывшая в карцере девица, улыбаясь, ответила, показывая на пол: «а вот, так и спим». Но все-таки, и бывшие в карцере, хотя и просились у директора, чтобы их освободили, но очень удрученными не казались» [2, с. 50].

Расписание дня в «Клермонте» было следующим: «6 ½ часов вставать, 7 ½ часов работа, 8 ½ ч. завтрак, 9 – рекреация, 9 ½ часов работа одному отделению, классы другим, 12 – обед, 12 ½ рекреация, 1 ½ классы одному отделению,

работа другому, 4 – рекреация, 4 ½ – маленький завтрак, 4 ½ – 7 – общая работа, 7 – ужин и рекреация, 8 – спать» [2, с. 50 – 51].

Во время работы разговоры между воспитанницами не допускались; в это время читали вслух религиозные и нравоучительные книги. По приходе в спальню разговоры также не допускались.

Все «боксы» на ночь запирались, «причем кроме запора, у каждой двери есть еще общий запор всех дверей сразу. Один общий запор, который устроен сверху, был бы недостаточен, так как двери можно было бы снизу отогнуть. Над запором у каждой двери устроена железная пластинка сверху, так как иначе была бы возможность при помощи веревочки, спущенной через сетку, приподнять запор и его открыть» [2, с. 51]. Правда, директор «Клермонта» утверждал, что побегов не было, но по официальным данным за 1908 г. значились две убежавших воспитанницы, которые не были пойманы в течение целого года.

Также по отчету 1908 г. значилось наказаний: в карцере воспитанницы находились 48 раз, «другими наказаниями – 80 и выговора 76 (при общем числе 196)» [2, с. 51].

В лазарете практически никого не было: лишь одна девушка была на постельном режиме.

Важное значение имело исповедание той или иной религии: «при поступлении каждой воспитанницы ее спрашивают, принадлежит ли она к какому-либо вероисповеданию; принуждать, или уговаривать строго воспрещается. Если воспитанница заявляет, что она католичка и что она желает помещать капеллу, то по праздничным дням такие посещают капеллу» [2, с. 51]. Правда, капелла была построена, но не было священника, и директор «Клермонта» сообщал, что скоро будет приглашен священник.

Религиозному воспитанию также придавалось большое значение: считалось, «что в деле воспитательно-исправительном отсутствие религии и религиозного воспитания представляет значительные затруднения» [2, с. 51].

Посещения родными воспитанниц поощрялись. «Писать письма к родным воспитанницы могут раз в месяц по одному письму, а получать сколько угодно,

но, разумеется, и те и другие письма просматриваются и сомнительные уничтожаются. Свидания с родными допускаются и даже поощряются тем, что бедным родителям директор дает проездные деньги; однако, за дальностью расстояния, посещения очень редки» [2, с. 51].

В питании главной составляющей был хлеб. Его давали вволю. На воспитанницу выходило в день до полутора килограмма хлеба. «В кухне готовят дежурные, но нигде и никуда ни одна воспитанница без присмотра не выходит. Вместо напитка готовится пиво, по вкусу напоминающее наш квас» [2, с. 51].

Большая часть поступающих в школу были в очень тяжелом положении. По словам директора, воспитанницы до поступления были «крайне неопрятны. Сифилитичек почти на половину, их лечат и потом они живут вместе со всеми» [2, с. 52].

Собственных вещей воспитанница колонии «Клермонт» иметь не позволялось, все отбиралось и сохранялось до выпуска. Доходило до того, что у одной из воспитанниц впереди отсутствовали зубы; оказалось, что она прибыла в колонию со вставными зубами, которые у нее отобрали. Автор заметил, что у некоторых воспитанниц «татуировка на руках». «Директор мне сообщил, что это, к сожалению, нередко татуируют преимущественно в тюрьме, а ведь каждая, прежде чем попасть в воспитательно-исправительное заведение, пробудет значительное время в тюрьме» [2, с. 52].

Есть данные по школе «Дулленс» – еще одном воспитательно-исправительном заведении во Франции в начале XX в. – по сравнению с колонией «Клермонт»: «Наглядный образец режима в школе «Дулленс» дают официальные данные о наказаниях, практиковавшихся там за 1908 год; особенно, если сравнить их с данными по школе «Клермонт». Общее число воспитанниц в 1908 г. было 254 (в «Клермонт» – 197); наказаний карцером 349 (в «Клермонт» – 48), другими наказаниями 1735 (в «Клермонт» – 80), выговоров – 66 (в «Клермонт» – 76). Надо заметить, что хотя в «Дулленс» число воспитанниц на 57 больше, чем в «Клермонте», но за то в первом есть малолетнее отделение на 50 девочек, в отношении которых, вероятно, меры принимаются более мягкие. В «Клермонте»

было 2 побега; в «Дулленс» 3 побега и 7 покушений. Какие провинности совершались: (в скобках цифры относятся до «Клермонт») кража 41 (10), безнравственность 68 (6), побег 100 (6), леность 87 (90), неповиновение 682 (78), другие проступки 1272 (16). Награды: досрочное освобождение 86 (6), книжка сберегательной кассы 80 (17), денежное вознаграждение 1876 (158), почетных наград, не материальных, нет (в «Клермонте» – 170), награды иного рода 786 (в «Клермонте» – нет)» [2, с. 57].

Вместо выводов, которые очевидны, хотелось бы привести слова, сказанные В. Яновским – учителем, и затем директором Студзенецкой земледельческой колонии для несовершеннолетних правонарушителей, которая находилось во второй половине XIX – начале XX вв. недалеко от Варшавы, на территории Российской империи. Яновский сказал: «мы твердо верим, что настанет наконец время, когда исчезнут с лица земли угрюмые и грозные тюремные замки, эти гнезда слез и нареканий, место их займут игривые, улыбающиеся, миловидные, исправительно-воспитательные заведения для малолетних, приюты, патронаты, реформатории, рабочие дома и т. п. учреждения христианского человеколюбия, как бы в доказательство того, что где справедливость и строгость не могут преодолеть несчастья, там Бог ниспосылает на землю ангела Любви...» [3, с. 157].

Список литературы

1. Альбицкий Е. Исправительно-воспитательные заведения для несовершеннолетних преступников и детей, заброшенных в связи с законодательством о принудительном воспитании / Е. Альбицкий, А. Ширген. – Саратов: Типография Губернского земства, 1893.

2. Исправительное воспитание несовершеннолетних в Западной Европе и Америке. – СПб., 1911.

3. Труды Седьмого Съезда представителей состоящих под высочайшим покровительством Его Императорского Величества Государя Императора русских исправительных заведений для малолетних. Издание Высочайше утвержденного постоянного Бюро Съездов. – М., 1909.